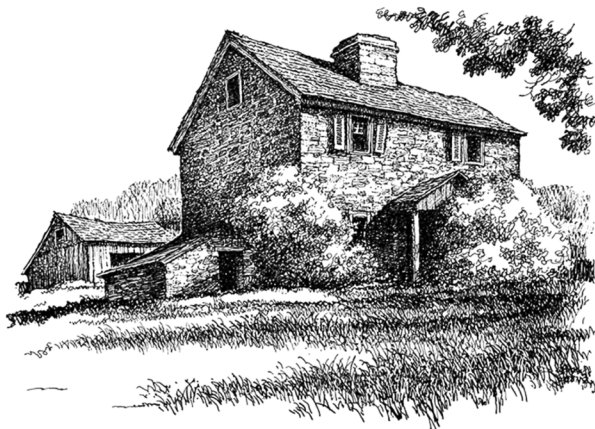

Hope of Salvation Mission

Хесба Стреттон

Путь скорби

Миссия «Надежда Спасения»
Ванкувер

МСМ
Санкт-Петербург
2009

© Издание на русском языке. Hope of Salvation Mission, 2009
P. O. Box 5022, Vancouver WA 98668-5022

Серия «Дорога жизни»

Стреттон Х.

Путь скорби / Пер. с англ. — СПб.: ООО «МСМ», 2009. — 256 с. —
(Дорога жизни)

ISBN 978-5-903010-16-5 (отд. кн.)

ISBN 978-5-903010-15-8

Эта повесть о штундистах — русских и украинских крестьянах, просто-сердечных христианах, которые в XIX веке с дикой жестокостью подвергались гонениям за свою веру. Но трагедия заключалась в том, что преследовали их не кто иные, как соотечественники, и некому было защитить их перед миром, предоставив на суд общественности русский фанатизм. Они же были безмолвны, как наш Господь, когда и Его гнали и истязали.

С тем чтобы об их скорбях и страданиях узнали многие, в этой повести приведены факты их жизни. Повесть полностью основана на реальных событиях. Здесь нет преувеличений. Краски страшной картины скорее смягчены.

«Мы видим их под низко нависшим зимним небом, в тусклом свете; они окутаны ледяной дымкой и оторваны от всего, ради чего стоит жить. Мы видим их далеко растянутую скорбную череду; мы смотрим им вслед, пока они не исчезают из виду на своем *via dolorosa* — пути скорби».

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, будь то электронные или механические, включая фотокопирование и запись на магнитный носитель, без письменного разрешения издателя.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	7
1. Год от Рождества Христова 1888	9
2. Богослужение штундистов	16
3. Гулянье в саду Ярины	23
4. Знак свыше	36
5. Панас	42
6. Лукьян на ярмарке	46
7. Иконоборец	52
8. Отец Василий	59
9. Большое искушение	66
10. Сватовство	71
11. Арест	81
12. Батюшка и матушка	89
13. Могила панночки	95
14. Обручение Галины	105
15. Допрос	112
16. Снова в тюрьме	120
17. Мытарства	126
18. Мятеж Степана	135
19. Возвращение в Отчий дом	142
20. Безбожник Валериан	151
21. Где правда?	160
22. Панихида	165
23. Бедственная зима	170
24. Знак и сон	177
25. Храмовый праздник	185
26. Вычитка штундистов	192
27. Отповедь Павла	199
28. Чудо	206
29. Очередная жертва	217
30. Год 1892 по старому стилю, 1893 по новому стилю	228
31. Господи, скорее бы утро	239
32. Via dolorosa	247

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я написала повесть под названием «Путь скорби» вместе с известным русским автором (С. М. Степняк-Кравчинский), который ныне скрывается в Англии. Он изложил мне подробности этой печальной истории, особенно в том, что касается тюрьмы и сибирских событий. По его твердому заверению, все здесь основано на реальных фактах. Я не закончила бы свой труд, если бы не живейшее участие этого человека.

Информацией о штундизме*, его простых догматах и скромной организации, — ибо он охватывает только крестьян, — я обязана анонимной брошюре под названием «Штундисты», опубликованной издателями «Христианского мира» именно в то время, когда я приступала к делу. Мне показалось, что это многострадальное, преследуемое движение приблизилась к христианам апостольского века более, нежели другие существующие церкви. У них нет стройного богословия и формальных обрядов. У них нет ни храмов, ни духовенства. Их кодекс религиозных, моральных и общежитских законов — это Новый Завет; они трактуют его положения с совершенной прямоотой и детской наивностью. Первая обязанность штундиста — научиться чтению, чтобы самостоятельно познать слово Господа нашего Иисуса Христа.

* Штундизм (от нем. *Stunde* — час; время для религиозных чтений у немецких колонистов) — течение среди украинских и русских крестьян во второй половине XIX века, возникшее под влиянием протестантизма, элементы которого сочетались с верованиями духовных учителей; позднее слилось с баптизмом (Большой энциклопедический словарь. М.; СПб., 1997). — *Прим. редактора.*

Эти простосердечные христиане подвергались гонениям за свою веру с той же дикой жестокостью, с какой в их стране преследовались евреи. Но у евреев есть могущественные друзья среди крупных филантропов их же племени; в то время как штундистов, собственно говоря, русских крестьян, преследуют соотечественники, и никто не может защитить их перед миром, представив на суд общественности русский фанатизм. Они были безмолвны, как наш Господь, когда и Его гнали и истязали.

С тем чтобы об их скорбях и страданиях узнали многие, в этой повести приведены факты их жизни. Здесь нет преувеличений. Краски страшной картины скорее смягчены.

ГОД ОТ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА 1888

Старый Карп, самый крепкий богатеи в Книшах, вышел из хаты, где целый день скрывался от палящего зноя. Недовольно втянув голову в плечи, он занялся новой рукоятью плуга; двигался вяло и апатично, ибо работа была ему явно не в радость. Верно и то, что сегодня воскресенье, день, когда не следует приниматься за любой труд; однако неспорая работа казалась ему лишь половиной греха. Он знал, что иначе ему останется сидеть на завалинке, привалившись к стене хаты, и глядеть в пустоту, поскольку пересуды с соседями ему вовсе не по душе. Бывало, правда, и так, что в воскресный вечер совесть брала верх; но оставаться совершенно без дела он не мог, если только дочери Гали не было рядом, чтобы весело щебетать или распевать свои чудные песни.

Гали дома не было, ибо ранним утром, пока достаточно прохладно для прогулки, она ушла провести день с Яриной, своей давнишней подругой. Старому Карпу, которому, кстати говоря, не больше пятидесяти, — но его все называют старым, оттого что он глава семьи, — долгие душные часы представлялись ужасно унылыми. Заняться нечем, кроме как наблюдать, как его седовласая, крупная жена Марфа хлопочет по дому. Она теперь готовила ужин, и жар от печи вскоре станет таким же палящим, как солнечный зной. Куда как приятней выйти на улицу.

Книши — небольшое село в одной из украинских губерний; стоит оно на возвышенности. Вот на широкой, поросшей травой улице просыпается жизнь и новое движение. Мычит скот, кудахчет и гогочет птица. Выскакивают дети и принимаются играть в городки. Здесь и там кланяются длинные деревянные журавли, доставая воду из глубоких колодцев, дабы утолить жажду измученных домашних тварей. Мертвая тишина душного летнего дня разрушена.

Июньское солнце только что закатилось за далекий и плоский горизонт. Каждое живое существо искало защиты от его безжалостных лучей. Но теперь длинные, неровные тени ореховых рощ поднимаются вверх от лугов и, будто растворяясь в прохладном воздухе, наполняют его первыми сумерками. Небо все еще полыхает огненным закатом, который красит в пурпур и золото легкие облака, плывущие по темно-синему небесному своду. Крест на деревенской церкви сияет, как звездочка, на фоне глубокой синевы. Даже серые соломенные крыши кажутся подернутыми розовой дымкой и нависшие над колодцами журавли, потемневшие от времени, смотрятся яркими в золотистом сиянии.

На завалинках перед белеными хатами сидят мужчины и женщины. Они мирно судачат о своих делах. Царит дух благостного покоя и умиротворения. Веселые крики играющих детей вряд ли могут ему помешать.

Вдрут со стороны хаты на окраине села доносятся звуки нежного и стройного песнопения. Поют хором, но мелодия столь торжественна, что это не может быть мирской песней. Это и не церковное пение, ибо слышны чистые женские голоса, а женщины не поют в православных церковных хорах. На самом деле, песня, так мягко плывущая сквозь розовые сумерки, никак не напоминает монотонные древние церковные распевы. В ней есть нечто особенное, какая-то исключительная сладость, напоминающая то казацкие народные песни, то скорбные страдания слепых музыкантов, поющих за милостыню в праздничные дни на папертях российских церквей. Голоса свежи и чисты, а пение так на-

полнено глубокими чувствами, так бесхитростно и самозабвенно, что даже Карп не может не умягчиться сердцем.

— Красиво поют еретики, — бормочет он, и, хотя продолжает работать, движения его рук становятся все более замедленными.

Вскоре топор ложится на колоду, и старый Карп почти полностью уходит в себя. Жаль, но на расстоянии слов не разобрать.

— А ну тихо, сорванцы! — кричит Марфа, подходя к двери и утихомирявая детей, не обращающих никакого внимания на песнопение; они продолжают кричать во все горло и сбивать деревянные чушки.

На завалинках затихают пересуды. Небольшая группа селян, особо не приближаясь, из страха перед гневом приходского батюшки, окружает хату, где штундисты проводят свое воскресное молитвенное собрание. Украинские селяне — страстные любители пения, а этот удивительный хор не похож ни на церковные гимны, ни на их народные песни.

— Будто льется с самих небес, — произносит Марфа так тихо, чтобы не услышал муж, — а вот Гале трудно придется, если Павел будет с ними.

В Книшах не много штундистов; эта секта появилась здесь совсем недавно. Прямо за селом живет пасечник Лукьян, он продает мед и воск; человек далеко не бедный. Он селянин; как и все остальные, малограмотный и невежественный: кое-как умеет читать и с трудом выводит буквы на бумаге. Но с младых лет он ходил в церковь и замечательно любил читать Библию, слова которой крепко отложились в его памяти. Отец Василий, сельский священник, нередко смущался и раздражался вопросами своего верного прихожанина, хотя и гордился им как хорошим богомольцем. Селяне со всей округи привыкли прислушиваться к Лукьяну, благодаря его приверженности к чтению, праведной и честной жизни. Хотя он не был одним из самых зажиточных хозяев, таким как Карп, его голос в миру был весомее и его совета искали соседи, попавшие в беду. Так продолжалось

годами, и весь приход видел в нем наставника до определенного события двухлетней давности. Теперь все иначе. Перемена в нем произошла так внезапно, что жители Книшей утверждают: бедняга выжил из ума! Отец Василий поощряет такое мнение. Как-то Лукьян собрал свой мед и воск и отправился в Херсонскую губернию. Обычное дело. Но в тот день, когда он возвратился из поездки, к нему пришли односельчане, чтобы узнать новости из внешнего мира. И что же они увидели и услышали? Самое начало Великого сорокадневного поста; а на столе у Лукьяна стояла миска обычной похлебки, да еще молоко. Он, его племянник Демьян с молодой женой обедали так, будто позабыли о посте.

— Ты что, Лукьян, лишился ума? — спросили потрясенные односельчане.

— Нет, нет! Я не лишился ума! — отвечал он, подмигивая. — Это вы никогда не приходили в разум. Зачем нам поститься сорок дней? Наш Господь говорит в Писании: «Не то, что входит в уста, оскверняет человека; но то, что выходит из уст, оскверняет человека. Ибо из сердца исходят злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, кражи, лжесвидетельства, хуления. Исходящее из уст — из сердца исходит; сие оскверняет человека» (Матфея 15:11, 18, 19). Воздержимся от *этого*, и с нами все будет хорошо в пост и не в пост.

Такое отношение к посту было им неведомо. Однако ответить ему они не могли ничем; потому уши, озадаченные и переполошенные.

Потом Лукьян перестает посещать приходскую церковь, где сорок, а то и более лет его знакомое лицо, полное серьезных и благочестивых мыслей, присутствовало всегда. Вскоре деревенские сплетники засудачили, что он убрал святые иконы из красного угла своей хаты. Он покупал их во множестве, и некоторые были очень хороши, ибо Лукьян денег на них не жалел. А теперь он разрубает некоторые в щепы, а некоторые отдает племяннице, чтобы та накрывала ими подойники.

— Это пустые идолы, — говорит он людям, требующим объяснить свой поступок. — Разве заповедь не говорит нам, чтобы мы не создавали их и не поклонялись им? Разве мы не должны слушать голос нашего Господа Бога? Мы все поклонялись этим идолам; но теперь я буду поклоняться Богу, и только Ему.

Достаточно быстро это достигло ушей отца Василия, и он отправился домой к Лукьяну, надев облачение и взяв распятие. Это был ритуальный визит, будто в доме намечалось погребение. Хотя Лукьян — сложный прихожанин, полный разных мыслей и задающий неудобные вопросы, священник не мог допустить, чтобы он выходил из его паствы. Но отец Василий не очень хороший полемист; все что он смог — это торжественно осенить Лукьяна крестом и потребовать, чтобы тот вернулся в церковь.

— Отец Василий, — сказал Лукьян, — ваша церковь не дом Божий. Это место купли-продажи, словно бы человек может купить себе спасение, или священник продать его. Я не могу поклоняться там Богу.

— Воззри на это и устыдись, несчастный грешник! — воскликнул отец Василий, показывая на распятие.

— Я вижу, — отвечал Лукьян, — это образ креста и нашего Спасителя, распятого на нем. Но это только образ, отче! Он не может меня видеть, и он не может меня слышать. Это всего лишь кусок дерева. Но я молюсь Тому, Который умер на кресте, и я в душе знаю, что Он видит и слышит меня. Я не смогу больше этому поклоняться. Это будет кощунством перед Богом, который сказал: «Не делайте предо Мною богов серебряных или богов золотых, не делайте себе» (Исход 20:23).

— Но ты осквернил иконы! — гневно воскликнул отец Василий, показывая на опустошенные киоты. — Посмотрим, что скажут на это власти.

Через несколько дней после этого в Книшах появились два пристава и отвезли Лукьяна в расположенный на некотором расстоянии город, где, к его счастью, у него были благосклонные

к нему влиятельные знакомые, ведшие с ним дела. Лукьяна заключили в тюрьму, но в целом обошлись мягко. Время от времени его подвергали допросам в связи с его верой; но, поскольку вопросы к нему в основном были политического характера, отвечал он лояльно. Новая ересь была едва знакома в губернии, и власти о ней не пеклись. Они не увидели всю важность на первый взгляд незначительной перемены веры Лукьяна; и после шестимесячного заключения его отпустили, предупредив, чтобы он впредь не перечил приходскому батюшке.

Лукьян вернулся в Книши и с воодушевлением посланника, принесшего благою весть, начал распространять свое новое учение. Его племянник Демьян с женой, живущие с ним в одной хате, стали его первыми последователями. Потом к ним присоединилась Ульяна Руденко, вдова с одним сыном, — самые зажиточные люди в Книшах после старого Карпа. Ульяна также одна из самых верных и преданных прихожанок сельской церкви и щедро отдает от своего имущества отцу Василию. Она и Лукьян часто обсуждали вопросы веры. А теперь она изучала Новый Завет еще более вдумчиво, а вскоре приняла новые воззрения и тщательно им следовала. За Ульяной пришли другие, пока наконец десять семейств из числа самых степенных, трезвых и честных селян не образовали небольшую религиозную общину, которая молилась Богу по своей совести.

Отец Василий, недовольный бездействием полиции, принялся проклинать штундистов с амвона. Мир, взиравший на Лукьяна с благоволением и считавший его своего рода умалишенным, теперь пришел в негодование. Селяне не очень-то ревностны в своем служении Православной церкви, оброк на которую весьма тяжел; но их раздражало, что эти люди, такие же простые крестьяне, как они сами, ставили себя в положение людей, более праведных, мудрых и набожных, чем соседи. Православная вера была достаточно хороша для их праотцов, значит, она достаточно хороша и для них. Штундисты стали бельмом на глазу у всего мира, благодаря своей богобоязненно-

сти, трудолюбию и трезвости; а также тому долготерпению, с которым они переносили глумление и нападки ближних. Особенно негодовал старый Карп. Сын Ульяны давно влюблен в его дочь Галю, и не было ей лучшей пары. Но Павел перешел в новую веру, и ничто не заставит Карпа выдать за него Галю.

Маленькая община штундистов жила, словно в лагере неприятеля. В любой день они могли подвергнуться нападению. Соседи, которых они близко знали всю свою жизнь, с которыми поддерживали дружеские отношения, радовались и горевали, теперь смотрели на них искоса и сторонились их. Нет ненависти, равной той, что происходит из противоречий веры.

БОГОСЛУЖЕНИЕ ШТУНДИСТОВ

В мягких сумерках чудесного вечера небольшая группа штундистов собралась вместе для молитв и чтения Библии. Присутствует человек пятнадцать или двадцать: серьезные и спокойные на вид мужчины и женщины, которые хотят от других только одного: позволить им молиться Богу и ничем не грозить. Робкие притеснения, с которыми они сталкивались до сих пор, лишь сплачивали их и воспаляли души, что есть особый Божий дар для тех, кто претерпевает за правду. Как часто они говорят друг другу: «Блаженны вы, когда возненавидят вас люди и когда отлучат вас и будут поносить, и пронесут имя ваше, как бесчестное. Возрадуйтесь в тот день и возвеселитесь, ибо велика вам награда на небесах!» (Луки 6:22, 23). Их торжественные, умиротворенные лица светятся внутренним огнем; а голоса ликующие. Людское поношение для них счастье!

Именно это поношение изначально и побудило Павла Руденко прийти к штундистам. Он был возмущен и уязвлен, видя, как избегают и поносят его матушку, самую добродетельную женщину в Книшах. Разве она не спешит на помощь всем нуждающимся! Разве она ночи напролет не просиживает у постели больного или умирающего! Ее дом никогда не закрыт для ближнего. Но теперь, оттого что она решила молиться не так,

как все, ее надо унижать и ранить, изгонять из круга старых друзей. Такими способами не может вершиться благое дело.

Но долгое время любовь Павла к Гале, дочери старого Карпа, подспудно не давала ему окончательно примкнуть к вере своей матери. Они с Галей выросли вместе. Он единственный сын, а она единственная дочь двух самых богатых здешних хозяев. Сговора пока что не объявляли, поскольку оба слишком молоды и не прошло двух лет, как умер отец Павла. Но все знали, что Павел и Галя суждены друг другу. Их любовь была безоблачна, пока Ульяна, мать Павла, не пошла в штундисты. Теперь Ульяну оскорбляли и унижали Карп и жена его Марфа. Павлу они грозились, что если он последует примеру матери и примкнет к старому дурню Лукьяну, то не видать ему Гали. В сердце Павла происходила тяжелая и жестокая борьба между любовью к Гале и к матери, а в самой глубине души брезжил неодолимый свет. Чтобы порадовать матушку, он часто посещал молитвенные собрания штундистов; но в то же время, чтобы увидеть Галю, постоянно ходил в сельскую церковь.

Этим вечером он сидит в хате на молебне штундистов, держа в руках сборник духовных песен. Некоторые поют по памяти, не умея читать. В углу за простым столом из сосновых досок сидит Лукьян, обратившись лицом к малому собранию. Ему около пятидесяти пяти.

Худое задумчивое лицо, жидкая седая бородка, большие мечтательные карие глаза, сияющие умом и добротой. Он тихо вторит напеву и водит указательным пальцем по строчкам песни в небольшой, раскрытой перед ним книге. Он давно уже знает каждое слово; но, тем не менее, ему по душе видеть перед собой печатные строки.

Недалеко от Лукьяна сидит Павел. Это высокий, стройный молодой человек двадцати двух лет от роду с одним из тех красивых и правильных лиц с ясными чертами, какие можно встретить среди украинских крестьян. Он один из лучших

певцов в округе — с чистым тенором, голосом, который всегда можно распознать в целом хоре. Лукьян запекает, и Павел подхватывает за ним; но он не слышит уже ни своего голоса, ни других голосов. Слова песни полностью захватывают его:

*Когда взираю я на дивный Крест,
На коем умер славы Принц,
Земных сокровищ больше нет,
И гордость я склоняю ниц.*

*Узри: Его ладони, стопы и глава
Любви излили чашу и скорбей.
Бывали так едины радость и печаль?
Бывал из терниев венец славней?*

*Пусть буду я царем природой всей,
Мне это лишь ничтожный дар;
И нет любви Его чудесней и святей,
Она — душа моя, и жизнь, и весь я сам.*

Павел поет эти слова, почти не осознавая себя. Их смысл воссияет в его сознании с особой яркостью. Давно уже он предавался долгим раздумьям, время от времени отрываясь от действительности и погружаясь в необычайные мечты. Он полуграмотный селянин; но его воображение подкреплено и развито поэтичными сказаниями родного края. Его мышление, как и у земляков, скорее восточного, нежели западного толка; и, словно иудейские пророки, он созерцал и погружался в грезы.

Теперь перед его мысленным взором с огромной ясностью предстает «Крест, на коем умер славы Принц». Были и другие людские спасители, которые тоже прошли через распятие. Но есть Главный из них, который может сказать: «Была ли скорбь, подобная моей?» Павел видит божественный лик Принца славы и Его терновый венец; умирающие глаза смотрят в самую

его душу из неизмеримых глубин страдания. Он вздрагивает, встретившись с этим взглядом. Но за страданием, ибо оно не вечно, затмевая его, воссияла бесконечная любовь Сына Божьего. И эта любовь изливается на него, Павла Руденко! Запекшиеся уста изрекают: «Все это Я вынес ради тебя; а что ты сделаешь для Меня?» И тут отвечает вся его душа; с неизъяснимым ликованием Павел поет последние слова песни:

*И нет любви Его чудесней и святей,
Она — душа моя, и жизнь, и весь я сам.*

Что есть это удивительное счастье, охватившее все его существо? Любая из радостей, что он испытывал прежде, была ничтожна по сравнению с этим душевным подъемом и приливом благодати. В него вдохнули такую новую жизнь, какую не описать никакими словами. Он не слышит проповеди Лукьяна, последовавшей за песнопением. Но, когда небольшая паства начинает рассаживаться, чтобы выслушать наставление, Павел возвращается в этот земной мир.

Лукьян надевает очки, аккуратно пролистывает страницы Нового Завета и наконец торжественным и благостным голосом читает следующие стихи:

«Верю вселиться Христу в сердца ваши, чтобы вы, укорененные и утвержденные в любви, могли постигнуть со всеми святыми, что широта и долготы, и глубина и высота, и уразуметь превосходящую разумение любовь Христову» (Ефесянам 3:17–19).

Очень просто, приятным голосом старик призывает всех внимающих ему задуматься о том, что есть человеческая любовь, как они понимают это в своем сердце. Любовь к отцам и матерям, к мужьям и женам, к детям, к возлюбленным и друзьям. Коснулся сего.

— Это все любовь, — говорит Лукьян, — и все от Бога; ибо любовь от Бога; и Сам Бог любовь. И любовь Божья похожа на

всю остальную; только она не такая — она неизменна и бесконечна. Ибо мужья и жены, родители и дети ссорятся, бранятся, расходятся, а некоторые даже ненавидят друг друга. «Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч? Но все сие преодолеваем силою Возлюбившего нас» (Римлянам 8:35, 37). Возможно, если бы мы могли узреть нашего Господа, наша любовь к Нему стала бы земной, как вся остальная. Но сказано: «Блаженны не видевшие и уверовавшие» (Иоанна 20:29). Значит, Он должен поселиться в наших сердцах с верой. Поселиться в нас, слышите! Почему так? Если бы Он жил сейчас, скажем, в Иерусалиме! Ах, разве не будут наши сердца лишены Его, но полны тоски и разочарования? Ибо Он будет так далеко, и все возлюбившие Его не смогут идти в Иерусалим и пребывать там в Его личном присутствии. Нет, нет! У нас есть нечто лучше, чем это. Он живет здесь, — восклицает Лукьян, кладя руку на сердце, — и в ваших, сестры мои; и в ваших, братья мои.

— Да! Да! — срывается с уст большинства слушателей. Его слова продолжают звучать для них, и кажется столь естественным, что они отвечают ему, ибо он обращается к каждому. Демьян, Лукьянов племянник, отзывается громче всех. Это крепкий, широкоплечий молодой парень; на его круглом веснушчатом лице, в добрых серых глазах отражается глубокое чувство, с которым он слушает каждое слово дядюшки. Он поднимается со своего стула в углу, склоняется к проповеднику в состоянии молитвенной радости. Он испытал всю земную любовь; а любовь небесная поселяется теперь в самой глубине его души. По его щекам катятся слезы; он время от времени утирает их большой, заскорузлой рукой.

— А как мы будем любить Его? — спрашивает Лукьян, замолкает и оглядывает обращенные к нему знакомые лица. — Как могут такие слабые и беспомощные создания, как мы, явить нашу любовь ко Господу Иисусу Христу?

— Я умру за Него! — восклицает Демьян, падая на колени и закрывая лицо руками. Сквозь его огромные ладони прорываются рыдания; волосы падают на лицо, укрывая волнение.

— Да! — продолжает Лукьян. — Может случиться так, что нас поставят перед выбором: умереть за Него или от Него отречься. Наши братья во многих местах уже стоят перед этим выбором: умереть или отречься. Но, да поможет мне Бог, я умру за Иисуса.

— И я! — восклицает Павел с духовным трепетом, вставая и приближаясь к столу. — Я пришел сюда и узрел Его. Я узрел Его, пригвожденного к позорному кресту, с терновым венцом на Его главе. И в Его очах была любовь, какую не описать словами. Умом неохватная любовь! Нам никогда не познать ее полноту, никогда! Вовеки. Я готов умереть за Него.

Целую минуту в хате никто не произносит ни слова. Его матери Ульяны нет; но каждый из присутствующих знает, что она горячо молилась за обращение Павла с тех самых пор, как присоединилась к штундистам. Вот был ответ на ее молитвы. Но в голосе Павла была и малая толика сомнений, будто, заглядывая в будущее, он видел там по-настоящему смертельную борьбу, если решится следовать своей совести до конца. Возрадуется ли Ульяна, если от ее сына потребуются мученический подвиг? Эта маленькая община впервые привыкала к мысли о мученичестве.

— Я готов умереть за Него, — повторяет Павел. Звук его слов нарушает торжественное молчание; плач и радостные возгласы сменяют тишину. Лукьян протягивает руки и сжимает руки Павла, словно этим жестом принимая его в новое братство.

— Слава Богу! Слава Богу! — восклицает он. — О Господь, теперь я, слуга Твой, могу отойти с миром; ибо глаза мои видели Твое спасение. Павел Руденко, ты осенен и избран Господом. Если меня отнимут от этого маленького стада — от этих нескольких овечек в пустыне, — ты останешься здесь и будешь их пастырем. Воздадим же все вместе хвалу Господу Богу.

После этого из всех уст слышится православное славословие, знакомое каждому из них с самого раннего детства. Они поют с глубоким и торжественным восторгом, и песня разносится по сельской улице, погруженной в сумерки. Некоторые из селянок подхватывают хорошо знакомые слова и напев, сидя возле дверей своих хат. Старый Карп слушал, пока не затихла последняя нота, не ведая, что песнь возвещала конец процветания и счастья для его Гали.

— Хорошо поют проклятые еретики! — произнес он в сердцах.